

Этнология, антропология и этнография

Научная статья

УДК 39+930.2(470)"18/20"

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-124-142

EDN: HSZNNW

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЕТРОЛОГИИ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Елена Георгиевна Муратова^{1,2}

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия, lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

² Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению некоторых вопросов исторической метрологии карачаево-балкарцев, неразрывно связанной с их хозяйственной деятельностью, которая осуществлялась в горных условиях Центрального Кавказа. Статья содержит множество примеров употребления мер длины, объема и площади из традиционной метрологии карачаево-балкарцев, зафиксированных в исторических источниках. Показано, что с изучения исторической метрологии необходимо начинать исследования по социально-экономической истории Балкарии XIX в. Система мер и весов была необходима для четкой регламентации феодальных повинностей, «платы за кровь» и свадебных платежей. Но в первую очередь она определялась спецификой хозяйственной деятельности народа.

Самым распространенным способом измерения объема являлось его определение через вместимость какого-либо сосуда. Название сосуда переносилось на название меры. Широко были распространены объемно-примерные единицы измерения: «воз», «арба». Горный рельеф обуславливал использование таких единиц измерения длины как расстояние «слышимости одного крика» или «доступное человеческому зрению». Мерой площади земельного участка являлись либо затраты труда на обработку земли, либо объемы высеваемого зерна, либо объемы полученного урожая. Чаще всего применялась урожайная мера – горская копна. Постепенно эта мера получила значение, увязанное с десятиной. Покосные земли оценивались по объемам собранного сена, а пастбища – количеством скота, которое можно было на них содержать.

Ключевые слова: балкарцы, карачаевцы, историческая метрология, хозяйственная деятельность, меры длины, меры площади, меры объема, горская копна.

Для цитирования: Муратова Е.Г. Некоторые вопросы исторической метрологии балкарцев и карачаевцев // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 2. – С. 124-142. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-124-142. EDN: HSZNNW.

© Муратова Е.Г., 2023

Original article

SOME QUESTIONS OF HISTORICAL METROLOGY OF THE BALKARS AND KARACHAYS

Elena G. Muratova^{1,2}

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

² The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of some issues of historical metrology of the Karachay-Balkars, inextricably linked with their economic activity, which occurred in the mountainous conditions of the Central Caucasus. This article contains examples of used length, volume and square measurement units in the Karachay-Balkars' traditional metrology, found in historical records. It is shown that it is necessary to start research on the socio-economic history of Balkaria in the 19th century from the study of historical metrology. The system of weights and measures was necessary for a clear regulation of feudal duties, "payment for blood" and wedding payments. But firstly, it was determined by the specifics of the economic activity of the people.

The most common way to measure volume was to determine it through the capacity of a vessel. The name of the vessel was transferred to the name of the measure. Volumetric and approximate units of measurement were widely used: "cart", "arba". Mountainous relief determined the use of such length measurement units as the distance of "hearing one cry" or "accessible to human vision." The measure of the area of the land plot was or the labor costs for cultivating the land, or the volume of grain sown, or the volume of the harvest. The most commonly used crop measure was the mountain shock, «gorskaya kopna». This metric gradually obtained a meaning associated with the tithe. Mowed lands were estimated by the volume of hay harvested, and pastures by the number of livestock that could be kept on them.

Keywords: Balkars, Karachays, historical metrology, economic activity, measures of length, measures of area, measures of volume, mountain shock, «gorskaya kopna».

For citation: Muratova E.G. Some questions of historical metrology of the Balkars and Karachays. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 2. – P. 124-142. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-124-142. EDN: HSNZNNW.

© Muratova E.G., 2023

Представления о пространстве и времени относятся к числу краеугольных компонентов, слагающих «картину мира» каждого этноса, причем способы их измерения являются этнически специфичными.

У всех народов необходимость в измерении и сравнении различных величин между собой возникла в глубокой древности. Поэтому история традиционной метрологии берет начало от практических измерительных навыков, опыта применения мер и весов в земледелии, скотоводстве, ремесле, строительстве, торговле, других сферах хозяйственной деятельности и бытовых практиках.

Особой областью исторического знания является историческая метрология. Она изучает существовавшие у различных народов меры длины, площади, объема и веса, принципы и способы измерения окружающего пространства и

вещного мира; объясняет названия и происхождение мер, определяет их соотношения между собой и современное значение; рассматривает процессы возникновения, функционирования и исчезновения систем мер в связи с общими историческими изменениями [Швецов 2016: 286].

Изучение исторической метрологии северокавказских народов в целом и карачаево-балкарцев, в частности, началось в XIX в. в условиях включения региона в социокультурное пространство империи и связано с исследовательской деятельностью российских ученых, путешественников, служащих кавказской администрации, северокавказских просветителей.

В XX в. знания об исторической метрологии карачаево-балкарцев значительно расширились прежде всего благодаря исследованиям в области социально-экономической истории. Аграрная метрология сформировала представление о мерах сыпучих тел, главным образом хлебных, как посевных мерах и единицах взимания подати. Были определены традиционные метрологические системы народа, относящегося к высокогорной природно-хозяйственной зоне.

В то же время в историко-культурных и этнологических исследованиях по истории карачаевцев и балкарцев рассматривались конкретные формы пространства и его измерение, изучались особенности традиционных мер и практических метрологических знаний. Такие исследования были направлены в первую очередь на типологизацию явлений в традиционно-культурных обществах, а также на изучение отдельных свойств пространства и времени, обусловленных культурной спецификой.

Среди новейших исследований по исторической метрологии народов Северного Кавказа прежде всего следует назвать работы В.А. Дмитриева. Он показал, какое место исследования пространства и времени, присущих традиционной культуре, занимают в историографии этнографической науки, а также непосредственно занимался изучением исторической метрологии народов Северного Кавказа [Дмитриев 1992; Дмитриев 2007; Дмитриев 2008].

Конкретно-исторические исследования предприняты в области исторической метрологии чеченцев [Шавлаева 2012] и народов Дагестана [Гимбатова 2021].

Наиболее полно и систематизировано историческая метрология карачаево-балкарцев представлена в работе Р.Х. Хатуева. Им рассмотрены, меры длины, веса, объема, денежно-весовые и денежно-счетные единицы, а также названы все лексемы их обозначающие. Большое значение имеет предложенная Р.Х. Хатуевым детализированная классификация *мер оценок* земельных участков (пахотных и сенокосных), скота и труда, бытовавших у карачаево-балкарцев. Все использованные дефиниции проиллюстрированы цитатами из исторических источников, правда в большинстве своем на карачаевском материале [Хатуев 2014].

Лингвистический подход к изучению метрологической терминологии карачаево-балкарцев представлен в современных филологических исследованиях [Ахматова, Кетенчиев 2014; Кетенчиев 2020]. Многоаспектный анализ метрологической лексики с целью установления этимологии слов, связанных с мерами и весами, выяснения социокультурных взаимодействий, осмысления пространственного окружения средствами карачаево-балкарского языка рисует эт-

ническую языковую картину мира. В исследованиях такого рода специальная роль отводится лексиконам и толковым словарям карачаево-балкарского языка, зафиксировавшим различную метрологическую терминологию [КЪМТАС 1996; КЪМТАС 2002; КЪМТАС 2005].

Введенные в научный оборот конкретные сведения из области карачаево-балкарской метрологии, а также концептуальные построения социально-культурной антропологии о пространственной организации этноса [Тишков 2003: 280-304] создают тот фундамент, на основе которого возможно дальнейшее изучение темы.

Можно обозначить две группы источников для изучения исторической метрологии карачаево-балкарцев: вещественные и письменные.

Значительный пул вещественных источников составляют археологические артефакты, стандартизированные емкости и измерительные устройства из этнографических коллекций. Так примером овеществленных мер объема могут служить специальные мерные емкости, которые богато представлены и описаны этнографической наукой. Например, *«темирли»* – мера (ведро для муки, зерна, а также количество муки, зерна, отмеренное ведром). *«Мерке»* – мерка (сосуд для измерения чего-либо величиной в стандартное ведро). *«Сахаякъ»* – чаша емкостью 8 кг. для измерения сыпучих веществ и т.д. [Кудаев 2012: 102]. Интересные результаты, как показано в историографии, дают обмеры остатков средневековых сооружений, жилищных построек поскольку отражают в своих пропорциях древние меры длины [Дмитриев 1992: 198-199].

Весьма репрезентативна группа письменных источников, к которой относятся и фольклор карачаево-балкарцев, зафиксированный в XIX-XX вв. [КБФДЗП 1983], а также историографические источники, включающие записки путешественников и академических ученых, работы чиновников кавказской администрации XIX – начала XX в. В письменных источниках, прежде всего в актовом материале (купчие, закладные, завещания и др.), и в делопроизводительной документации содержатся сведения об отдельных мерах, либо их группах, о соотношениях между разными мерами, о порядке использования мер и контроле за ними.

Информативны хозяйственные и учетные документы с метрологическими и цифровыми записями о поступлениях натуральных платежей, выраженные в различных мерах объема и веса; книги меновых дворов, в которых имеются сведения о количественных характеристиках различных товаров и их счетных единицах; межевые книги и материалы правительственных комиссий, в примечаниях которых содержатся сведения о земельных угодьях и различных способах определения площади [Труды 1908].

Среди письменных источников важное значение имеют записи обычного права карачаево-балкарцев [Леонтович 1882: 273-285], в отдельных нормах которого приведены денежно-весовые единицы, установлены способы определения и соотношения мер веса, указаны традиционные меры объема, длины, площади.

Как правило, исторические источники дают лишь названия различных мер и очень редко их соотношение. Поэтому нельзя не согласиться с утверждением уже не раз процитированном в метрологических исследованиях. «Чтобы понять

существо меры, ее особенности, надо брать ее в тесной связи с той сферой трудовой деятельности человека, на почве которой и для потребностей которой она возникла» [Молчанова 1973: 4]. Здесь следует лишь добавить, что в традиционном обществе пространство воспринимается не абстрактно, а обладает вполне конкретным содержанием. Эмпирически-бытовые приемы отражения свойств мира имеют этническую специфику, тесно связаны с жизненной средой и находят свое выражение в метрологии того или иного народа.

Меры сыпучих тел и жидкости

Среди объемно-примерных единиц измерения карачаево-балкарцев в первую очередь обращают на себя внимание те, которые представляли собой мешки, изготовленные из шкуры животных, и в которые можно было что-либо налить или насыпать.

Например, в адатах, зафиксированных М.М. Ковалевским во время его научной экспедиции 1884 г. в Балкарию, определено, что «чесакчи – подобно чагарам несли натуральные повинности. Во время постов давали ячменю сколько может вместить *турья кожа*. Каждый от 5 до 10 (в каждом приходе до б) мер. Называется это *ясак-тулук*» [СПбФ АРАН. Ф. 103. Оп. 1. Д. 340. Л. 1-6].

В данном случае в качестве мерной сумки, мешка, использовалась шкура животного (возможно также козы, телянка), снятая чулком, куда насыпали зерно, – «*тулук*». Эта мера объема часто приводится в адатах карачаево-балкарцев. Так при женитьбе подвластного каракиши князь сам являлся в его дом и дарил «холопьям же каракиша – кому *тулуков*, кому веревок и, кроме того, каждому одну штуку товара для платья, сколько может» [Леонтович 1882: 276].

Этот мерный мешок из шкуры животного многократно упоминается в карачаево-балкарском фольклоре. Например, «Дай бог такого, чтобы годен был для копчения, и шкура служила бы *тулуком*» [КБФДЗП 1983: 248], то есть охотник просит дать ему на охоте такого большого кабана, чтобы из его шкуры можно было сделать кожаный мешок – *тулук*. Или пример использования этого слова в переносном значении для создания выразительного образа: «Не берите в жены женщину, ушедшую от первого мужа, – У ней полон *тулук* празднословий» [КБФДЗП 1983: 252].

Этнографы называют еще целый ряд обозначений кожаных мешков в карачаево-балкарском языке, «родственных» тулуку и различающихся по объему: «*кудра*», «*гысса*», «*гыбыт*», «*къапчыкъ*». Последний предположительно упоминался в качестве податной меры для сыпучих веществ, скрывающейся за русским переводом «мешок» [Хатуев 2014: 677]. В опубликованном документе читаем: зависимое сословие ясакчи ежегодно уплачивали старшине «различным хлебом» от 3-х до 9-ти *мешков* «за обрабатываемую землю под посевы хлебов», «из коих каждый заключает в себе пять мер»; «один *мешок* солода для варения пива» [Документы 1959: 246].

В качестве мерной емкости для жидкости часто использовался *бурдюк*. Бурдюки делались из кожи козы. В фольклоре встречаем: «Да, скажу я долаевскую песню. И да пусть бурдючный живот прорвется маслом; Целый, неиспорченный бурдюк! Безводный с маслом бурдюк» [КБФДЗП 1983: 255]. Бурдюк

как мера объема жидкости в XIX в. упоминается в обычно-правовых нормах балкарцев: «во время уразы каракиши должны дать с каждого двора своему таубию 9 лепешек из пшеничной муки и *бурдюк* бузы» [Документы 1959: 89].

Самым распространенным способом измерения объема является его определение через вместимость какого-либо сосуда. Название сосуда переносится на название меры. Этот прием получил широкое распространение у всех народов. Карачаево-балкарские сосуды, их детализированные названия, а также изображения наиболее полно представлены в работе М.Ч. Кудаева [Кудаев 2012: 174-180].

Эти разнообразные бытовые приспособления, виды посуды и вместителища, использовавшиеся в народной метрологической практике, зафиксированы и в исторических источниках.

В карачаево-балкарском фольклоре находим все многообразие мерной посуды. Так, нартский витязь Рачикау разом выпил все питье из огромной чаши (*тепшек*), употребляемой на пирах [КБФДЗП 1983: 80]. Один из героев сказки «приторговал арбу сандала и обещал дать продавцу *полный чинак* того, что он сам пожелает» [КБФДЗП 1983: 278].

Н.Ф. Грабовский, побывавший на балкарской свадьбе в 1860-х гг., писал: «Вскоре появилась перед нами и *полуведерная деревянная чаша* с пивом; осушаемая и вновь наполняемая, она не уставала ходить из рук в руки стоявшей около меня кучки» [Грабовский 1869: 11]. «Каждая состоятельная женщина, идя на это угощение должна принести с собою одного барана, *котел пива и котел бузы*, а кто победнее – курицу, *кувшин* пива или бузы» [Грабовский 1869: 17]. «Питье это разносится в *громдных чашках*, емкостью каждая *до трех ведер*; каждую такую чашку держат два человека». «Если она женщина состоятельная, то должна сварить пиво и бузу, нарезать одного быка и сварить его целиком в *большом котле*» [Грабовский 1869: 21].

Здесь необходимо отметить, что котлы исключительно высоко ценились и в Балкарии, и в Карачае, являясь по сути, главной посудой в доме. Большими медными котлами взимали штраф [Невская 1960: 138]. Медный котел, «в котором можно сварить одного барана», входил в калым [Леонтович 1882: 278]. По данным академика И. Гильденштедта, обследовавшего Кавказ в 1770-е гг., стоимость медного котла емкостью лишь в одно ведро составляла в этих местах 3 рубля, в то время как одна овца стоила всего 1,2 руб. [Гильденштедт 1809: 356].

Много примеров сосудов разной вместимости приводится в адатно-правовых нормах. «По смерти старшины...каждый каракеш режет по одному барану, и сверх того, три живых барана для зареза и по одному *терсуку* бузы доставляет в дом старшины» [Леонтович 1882: 276]. Из «Показаний Шакмановых, какой обряд издревле существовал у узденей подвластных им», в 9 статье зафиксировано: «Если когда делают пиво, *один кувшин* должен дать старшине». А статья 10 гласит: «Если делают поминки по умершим, то старшине дают одного барана сваренного, *один казан* пива, *один казан* бузы и часть со всех приготовленных закусок» [УЦГА АС КБР. Ф. 31. Оп.1. Д.1. Л. 154 об.]. То же у Ф.И. Леонтовича: «Из сваренного пива господину следует *один кувшин*» [Леонтович 1882: 278].

Таким образом, в письменных памятниках объем жидкости чаще всего метрологически обозначен только названием определенной посуды без уточнения ее вместимости.

Карачаево-балкарцы широко использовали и другие объемно-примерные единицы измерения. В адатах читаем: «По согласию и по приговору с каждого дома отдается зимой аульному эфендию по барану и *по одному стогу* сена (стог или копна состоит из *двух вьюков* на лошадь), дров *по одному вьюку на ишаке* и летом по барану» [Леонтович 1882: 279]. В качестве платы также вносили «*по сапетке меду*» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 296. Л. 23 об.]. Это куполообразный плетёный улей, высотой около 70 см и диаметром полметра.

В традиционной метрологии вместимость какого-либо сооружения может, например, определяться и через количество скота, которое там способно поместиться. «На большом Жидче у Баксанука есть конюшня. В этой конюшне вмещается тысяча баранов» [КБФДЗП 1983: 253].

В качестве объемно-примерной единицы измерения в источниках достаточно часто фиксируются «воз», «арба» или древние бытовые меры – «глоток», «пригоршня» и т.д. Подобные объемно-примерные единицы измерения такими можно считать лишь относительно, так как само их существование в метрологической практике, как и явная приблизительность величины большинства из них, может быть понята и оценена только в пределах определенного метрологического пространства.

Меры длины

У всех народов доиндустриальной эпохи большие расстояния измерялись днями или часами пути с учетом способов и средств передвижения. Не составляли исключения и карачаево-балкарцы. Так, в нартском эпосе пройденное герою расстояние чаще всего передается через временную характеристику. Например, «кони Ёрюзмека, пробежав восьмидневный путь, взбирались на вершину Минги тау»; или «однажды они (нарты) устроили скачки на пятнадцатидневный путь» [Ахматова, Кетенчиев 2014: 83]. В этнографическом очерке XIX в. о свадьбе в горских обществах Кабардинского округа говорилось, что «вскоре затем, к всеобщему удовольствию, прискакал гонец и объявил, что свадебный поезд находится от аула *в двух-трех часах езды*» [Грабовский 1869: 3].

Очевидно, что определенные такими выражениями расстояния не могут быть точно установлены, а в фольклоре они вообще имеют скорее метафорическое значение, нежели метрологическое. Поэтому специалисты в области исторической метрологии для работы с письменными источниками дают приблизительные оценки расстояниям, обозначенным подобным образом. Например, «пеший день пути» условно составляет расстояние в 25 (или 35-40) км, а «конный день пути» равняется 50-70 км [Леонтьева и др. 2003: 256].

В.А. Дмитриев, анализируя пространственно-временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа, обращал внимание на особые ландшафтные характеристики, сформированные горно-долинным рельефом с большой высотной разницей между близко находящимися участками местности. При этом досягаемость местных предметов определялась не линейным расстоя-

нием до них, а тем временем, которое тратилось на дорогу при движении вверх и вниз по пересеченной местности. Горный рельеф, с одной стороны, создавал большое число визиров на местности, а с другой, – мешал сложению линии границы. Рельеф в горах не давал четких визуальных границ, не было здесь и восприятия линии горизонта. Реальную физическую границу в горах могли составлять продольные и поперечные горные хребты [Дмитриев 2007: 145].

В связи с этими замечаниями следует обратить внимание на широкое распространение в Балкарии и Карачае таких единиц измерения как «кёзкёрген», буквальный перевод – «все, что видит глаз», то есть расстояние, доступное человеческому зрению. По-балкарски так обозначается понятие «горизонт». С учетом видимости в ущельях строились сторожевые башни, устанавливались караулы и сигнальные шесты.

У карачаево-балкарцев одной из самых больших величин, обозначающих длину, была единица, устанавливаемая с учетом расстояния, на которое можно было услышать крик. Такая единица длины обозначалась как «кычырым». Еще в нартском эпосе, чтобы подчеркнуть огромные размеры колеса, с которым играли нарты, говорилось: «С вершины горы Чынгыл нарты скатывали вниз очень тяжёлое железное колесо с диаметром в один *кычырым*, чтобы обхватить его, у нартов не нашлось бы верёвки такой длины» [Нарты 1994: 387].

По данным этнологов, карачаевцы устанавливали сигнальные шесты как раз на расстоянии слышимости одного крика (*кычырым*) друг от друга вниз по течению Кубани до местности Марджа Сын. Сигнальные шесты, просуществовавшие вплоть до 1864 г., использовались ими для предупреждения о приближении войск генерала Эмануэля к Карачаю в 1828 г. [Хатуев 2014: 669].

Будучи прекрасными охотниками и воинами, карачаево-балкарцы для обозначения расстояния также использовали такие меры длины как «полет стрелы», «расстояние одного выстрела», «полет пули».

Среди метрологической лексики карачаево-балкарцев филологи также фиксируют: «чабым» – расстояние, которое человек сможет пробежать без остановки», «чакырым» – «на расстоянии зова». Например, «гнедой жеребенок, обогнав остальных *на полет стрелы*, добежал до Созара, вложил свою голову в узду», или «Карашауай вышел позже всех. Когда возвращался, дошел быстрее других *на один зов*». При этом отмечается, что с древних времен расстояние часто измерялось не столько практическим промером пространства, сколько на основе различного рода перцепций (слуха, зрения и т.д.) [Ахматова, Кетенчиев 2014: 83].

Линейные меры карачаево-балкарцев, как и большинства народов, относятся к так называемым «естественным» единицам измерения, исходящим из антропометрических характеристик, будучи преимущественно мужскими мерами длины. Так, по данным фольклора, горцы материю меряют *локтями*, т.е. от оконечности среднего пальца до локтя. В одной из песен говорится: «У первобрачной, считая *локтями*, много бязи будет», а про ленивых жен образно сказано, что «утром, после сна у них на пятках *в три пальца* грязь» [Тульчинский 1983: 252]. В нартском эпосе карачаево-балкарцев сказано, что «самой любимой игрой эмегенов и нартов было метание камней. [Эмегены] Алаугану ка-

мень подали. Не снимая своих доспехов [Он] как бы шутя [камень] швырнул И опередил эмегенов *на 18 ступней*» [Нарты 1994: 310]. Во всех приведенных фрагментах в качестве измерителей используются части человеческого тела: локти, пальцы, ступни.

Грузинский историограф XVIII в. Вахушти Багратиони, характеризуя экономический быт балкарцев, отмечал, что они «не знают аршина, но локоть» [Вахушти 1904: 142]. Локоть равнялся примерно 45-50 см и обозначался словом «*къары*». Локоть относился к числу «женских» (малых) мер длины скорее всего потому, что использовался в основном в женском труде для измерения ткани или в рукоделии. Самая маленькая «женская» мера – это расстояние в ширину указательного пальца, около 2-2,5 см («эли», «эл»), по сути – дюйм. Следующая по величине мера – «*сюем*» – ширина ладони с отставленным большим пальцем, около 10 см [Хатуев 2014: 670].

Специалист в области кавказской метрологии В.А. Дмитриев отмечал, «что по размерам карачаевского и балкарского жилищ прослеживается применение в качестве меры размаха рук – «*къулач*». Что составляло мерную (маховую) сажень, в пределах 170-180 см. В то же время можно предположить и широкое использование такой меры, как «*джарым къулач*», равной половине размаха рук. Арифметически «*джарым къулач*» практически равен русскому аршину», чуть больше 70 см. К этому заключению этнограф пришел, анализируя числовую соразмерность карачаевского жилища в одном из его описаний: «дома жилищных карачаевцев состоят из 9 отдельно составленных вместе помещений, размером 6X9 аршин и кладовой 6x3 аршина. В этом случае не только получается жилище с отношением сторон 1:2, соблюдаемом и в размере кладовой, но и ширина кладовой, составляющая 1/4 длины дома, выступает как модуль членения длины дома по гармоничному принципу». Таким образом, В.А. Дмитриев приходит к заключению, что «для тюркоязычного населения Северного Кавказа более характерно было применение в строительстве величины рук или ее половины, а для остальных народов более свойственно использование как единицы измерения – локтя и, возможно, еще шага. Повсеместно использовалась пядь» [Дмитриев 1992: 198-199]. Она определялась расстоянием между вытянутыми большим и указательным пальцами руки, составляла около 18 см. «Пядь» по-балкарски – «*къарыш*».

Перечисленные выше единицы измерения связаны с частями человеческого тела, широко распространены у всех народов и являются, вероятно, древнейшими.

Для того чтобы подчеркнуть огромные размеры или огромное количество чего-либо, в балкарском фольклоре часто используется число «сорок» в качестве эквивалента понятия «множество». В сказаниях о нартских богатырях говорится, что «собrania их всегда происходили в доме Алиговых, у которых постоянно висел над огнем большой котел, вмещавший в себе мясо *сорока бугаев*» [КБФДЗП 1983: 57]. «Когда уже все было приготовлено и когда повесили на огонь котел *о сорока ручках*, положив в него *сорок бугаев*, то стали советовать, кого послать за Урызмеком, чтобы позвать его на пир» [КБФДЗП 1983: 84]. «Вещая Сатаной дала ему такой совет: чтобы достали пушку, которая хранилась

в доме Алиговых, засыпали в нее *сорок сапенок* порошу, чтобы сам он залез в жерло вместо ядра, и чтобы затем из пушки выпалили» [КБФДЗП 1983: 63].

В сказочных формулах, где «бузы было приготовлено *несколько сороков бочек*» [КБФДЗП 1983: 51], а «обоз в *сорок повозок*» или «одна княгиня имела *сорок служанок*» [КБФДЗП 1983: 77] на самом деле отражается не столько количественная мера, сколько указывается на неограниченность этих величин.

Меры поверхности (площади)

Пахотные и покосные участки балкарского населения были измерены в результате создания специфической метрологии хозяйственных угодий. В пределах среды обитания горского общества, т.е. в пределах «ущелья», применялся способ маркирования отдельных участков местности и придания пространству отметок для ориентирования.

В условиях острой нехватки земли в горах все участки (пастбищные, покосные, лесные, пахотные) имели свое собственное название, известное с незапамятных времен. Их границы составляли факт общеизвестный, а последующие земельные разделы обязательно производились в присутствии свидетелей и обозначались кучами камней, сложенными стенками, закопанным в землю древесным углем или приурочивались к природным меткам – ручьям, рекам, вершинам горных хребтов. Из-за отсутствия земельных планов вопрос о границах постоянно волновал владельцев участков, поэтому бытовал обычай, чтобы старики передавали более молодым людям сведения о земельной собственности, а проезжая по участкам, указывали бы их границы на месте [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1597. Л. 37 об.].

В качестве иллюстрации приведем один архивный документ о разделе спорных территорий, в котором земельные участки фиксируются в акте исключительно описательно. «1850 года февраля 3 дня мы нижеподписавшиеся хуламские жители Бекбий Исмаил, Кануко и Мирзобек Гиргоковы даем сию приставу нашему г. Войсковому старшине Харуеву, в том, что по спорной земле с старшиною Иссою Шакмановым кончили и земли поделили, из коих под названием места Хашт (Хашт?) 2 сенокоса и Ин агач тубунде (внутренний лес?) 1 сенокосное место; остальные же Кундым сабан (солнечное место под пашню?) – 1, Мошельде (тихое место, пустое село?) 1, Агач башинда (верхняя часть леса?) 2 сенокоса и Ин агач тубунде (внутренний лес?) 2 пашни все эти достались старшине Иссе Шакманову, остальные же земли Схуру башинда (наверху Усхура?), Кая артында (за горой, задняя часть горы?) остались нераздельными, кои также до поры разделится, согласно решения судьев и составленного акта на магометанском диалекте, в том подписуемся...» [УЦГА АС КБР. Ф. 24. Оп. 8. Д. 148. Л. 3]. Конечно, названия земельных участков в русском переводе искажены, но здесь важно показать, что каждое покосное или пашенное место имели в балкарском обществе собственное название. К этому следует добавить принцип общественного договора, когда каждый балкарец примечал любой камень на своей земле, а границы участков знали не только взрослые мужчины и женщины, но и дети [Документы 1962: 127-128].

Нормы землепользования базировались на возможностях природно-ресурсного потенциала горской территории. Они нашли свое отражение в особенностях традиционной метрической системы. Острое малоземелье выработало у балкарцев такие земельные меры как «кулач», «аякъ-узун», «таш-орун», «черен-орун», «гебен-орун» и т.п. Первый балкарский историк Мисост Абаев в начале XX в. так раскрыл метрическое содержание этих величин: «кулач» – значит, обхват около 2-2,5 аршина, «аякъ-узун» – длина ступни ноги; «таш-орун» – место под один камень; «черен-орун» – пахотное место, дающее одну копну хлеба; «гебен-орун» – место, дающее одну копну сена [Абаев 1911: 616-617].

Во второй половине XIX в. произошли существенные изменения в системе общинного землепользования внутри самих горских обществ. В общественном владении остались далеко не самые лучшие земли, при этом споров об их использовании было настолько много, что русская администрация в инструкции начальнику Горского участка от 19 декабря 1868 г. предложила привести в известность все общественные земли, подробно их описать: в каких местностях они расположены и в каком количестве, для чего пригодны и в чем пользованию находятся. Было предложено со всех пользующихся общественными землями взыскивать плату в общественный фонд [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 14].

Например, участок Чегет-юрт – в руках Айдебуловых, Кара-су – во владении Джанхотовых и т.п. Общество приняло решение, что этими участками может пользоваться любой член общества за арендную плату, составлявшую 1 руб. за косаря или по 25 коп. за копну сена [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 14]. В Чегемском обществе насчитали 15 участков общественной земли. Но и здесь знатные фамилии Балкароковых, Баймурзовых хотя не запрещали обществу пользоваться этими землями и никогда их не эксплуатировали, но оспаривали на них право собственности. Общество постановило, что пользоваться этими участками может каждый общинник «с платой за пастьбу баранов, если больше 500 штук по 1 коп. от штуки, у которых более 60 лошадей и 60 штук рогатого скота исключая жеребят и телят платят за каждую лишнюю крупную скотину по 5 коп. серебром, желающие косить на общественных землях платят по 5 коп. от каждой копны» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 19 и об.].

Меры площади земельных участков у балкарцев, как и у других северокавказских народов, определялись величиной затрат труда при пахоте, севе и уборке урожая. В 1866-1868 гг. Н.Ф. Грабовский, будучи в то время в должности старшего адъютанта управления Кабардинского округа, принимал непосредственное участие в подготовке и проведении крестьянской реформы в Кабарде и Балкарии. Подводя итоги процессу освобождения зависимых сословий в Горском участке Кабардинского округа он, в частности, констатировал, что «горские холопы имели недвижимое имущество, заключавшееся в 1695 загонах пахотной и 1048 – покосной земли» и «из означенного имущества владельцы получили 875 загонов пахотной и 569 загонов покосной земли», уточнив при этом, что величина пахотных и покосных загонов «не имеет определенного размера и зависит от удобства местности, на которой они находятся. Пахотные

загоны, самые большие имеют в длину до 40 и в ширину до 10 сажень; покосные же бывают и больше» [Грабовский 1870: 4].

Кавказская администрация в ходе социально-политических и земельных преобразований пореформенного периода столкнулась с трудностями в том числе и метрологического свойства. Так, при отводе земли жителям Кабардинского округа в частную собственность (1867-1874 гг.) для определения соразмерности горских земельных участков и русской десятины было, как указано в архивном источнике, «для любопытства измерено несколько участков, результаты этих измерений были следующие: Участок Кургока Геджаова 1 дес: 1200 кв. сажень, сена 6 копен, хлеба 15 копен. Участок Измаила Урусбиева: под пашней 2383 саж. – хлеба 31 копна; под покосом 1839 саж. – сена 25 копен. Его же и Магомет Урусбиева: 15 дес. покоса – 355 копен, хлеба 45 копен. 15 пудов сена – 3 выюка: следовательно, сена 5325 пуд, их 25 стог. Хлеба средняя урожайность: 90 сабан или 145 мер или 18 четвертей. 1 копна ячменя = от 1-3 сабан молотого ячменя» [УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 12. Л. 26 об.].

В 1881 г. Управляющий межевой частью Терской области М. Кипиани собирал сведения о поземельном устройстве горских обществ. Балкарцы предоставили ему практически все необходимые статистические данные кроме размера земельных участков, которые горцы определяли и исчисляли числом дней необходимых для пахания участка. Но для перевода размеров участков на десятины необходимо было более или менее приблизительно определить величину дневного пахания. Для этого М.Кипиани произвел несколько замеров участков, которые местные жители признавали однодневными, двухдневными и т.д. В каждой местности однодневное пахание оказалось равным. Так, в Балкарском обществе оно равнялось 312 кв. саженьям. Кипиани стал вести расчеты, принимая однодневную пашню в горах сохой с парой быков за 300 кв. сажень [Кипиани 1884: 27].

Но в горских обществах не могли определить пространства обрабатываемых земель «даже *дневной пахотою*». Выяснилось, что при совершении различных сделок, например, при продаже земли размер участка исчисляют *количеством копен*, получаемых при среднем урожае хлеба или сена. Но в ту краткосрочную поездку М.Кипиани не смог перевести эти меры на десятины и ограничился лишь сбором данных о количестве участков различных категорий. Так, к первой категории были отнесены земли, которые лежали близ селения, имели горизонтальную поверхность и были хорошо удобрены. А ко второй категории – земли, удаленные от селения и на большом уклоне. Эти материалы были опубликованы в его путевых заметках о нагорной полосе Терской области «От Казбека до Эльбруса». Вместе с тем некоторые приблизительные расчеты позволили ему сделать замечание о самом крупном земельном участке пахотной земли, принадлежащем восьмидесятидвухлетнему Хамурзе Шаханову. По приблизительному вычислению этот участок составляет 3 десятины и на его распашку уходило 24 дня [Кипиани 1884: 42].

В 80-е гг. XIX в., вступив в тяжбу с российским государством, таубии Урусбиевы высудили у него почти все Баксанское ущелье площадью в 35 тыс. десятин с богатым сосновым лесом и пастбищами. Крестьяне общества, состав-

лявшие около 3 тыс. человек, были лишены права пользования этими угодьями, ибо Урусбиевы стали их полноправными владельцами. По сведениям Центрального статистического комитета о населенных местах за 1896 г., 21 аул Урусбиевского общества находился либо на владельческой земле Урусбиевых, либо на спорной земле между казною и Урусбиевыми [РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2384. Л. 115-171].

Спор о Баксанском лесе между Хамзатом Урусбиевым и казной породил обширную делопроизводственную документацию, отразившую землевладение и землепользование балкарцев во второй половине XIX в. В частности, в многочисленных показаниях свидетелей зафиксированы практически все пахотные, покосные и пастбищные участки Баксанского ущелья, при этом размер их определялся в типичных для этих мест показателях – *количестве копен*, собираемых с того или иного участка или же *количестве скота*, которое позволяет содержать пастбищное место. Например, земельная собственность некоего Заурбека Жапуева составляла «на Камыше 100 копен сена, на Кылды в хороший год 40 копен, а в худой ничего не дающей, на Кылды хлеба 20 копен, на Камыше 5 копен хлеба. Зимовник, купленный от Садыковых, на Аутояк 700 баранов и на 140 – на зиму. Пастбищное место на Аутояк-Сырт, купленное от Атажукина за 1100 руб.» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 77. Л. 65]. При этом бесконечные перечисления участков с указанием их размеров в горских копнах сопровождается общими замечаниями следующего свойства: «Копна хлеба ячменя =3=2-1 саба смотря потому на какой земле, лучшие земли считаются на Ишкумене таких по близости аула легко унаваживают, кроме этого пахотные места требуют орошения скудостью произрастания хлеба происходит от необходимости вспахивать одни и те же земли, давать им отдых по ограниченному их числу нельзя. Хлеба, находящегося в Баксанском ущелье за оставлением семян, достает только на прокормление на один или два месяца» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 77. Л. 64-65].

Одним из репрезентативных массовых исторических источников для изучения социально-экономического развития горских обществ второй половины XIX в. являются посемейные списки балкарских обществ за 1886 г. Эти материалы содержат ценные статистические сведения по ряду экономических параметров крестьянских хозяйств, в том числе размеры пахотных и покосных участков [Муратова 2013]. Прописанные в 16-й графе площади земельных участков зафиксированы в копнах и составляют: одна горская копна хлеба при хорошем урожае равняется 2 сабам или 3 русским мерам; а 3 копны сена равняются 1 средней величине возу и 15 пудам сена.

Кропотливая работа комиссии по исследованию землевладения и землепользованию в Нагорной полосе Терской области в начале XX в. позволила более точно определить метрическое содержание различных величин площади и соотнести их с русскими мерами. Так, работа старшего землемера этой комиссии, прекрасного знатока горского быта, Н. Тульчинского содержит заключение, что в балкарских обществах «размер посевных полей и поемных лугов определяется количеством копен, так как горцы никаких мер не знают (имеются в виду русские меры площади – Е.М.). Всех сортов хлеба в обществах убира-

ется с 6577 пахотных участков 23423 копны. Каждая горская копна хлеба равняется 2 сабам или 3 русским четверикам, что в общем составит 70270 четвериков всего собираемого хлеба. Для обсеменения полей требуется 13533 четверика...». По собственным измерениям и прикидкам Тульчинского, одна десятая хорошей поемной пашни дает примерно 20 горских копен хлеба, с одной десятины поемного луга собирают 15 горских копен сена, а с одной десятины обыкновенного покоса – десять копен сена. Размер горской копны сена варьируется от 8 до 10 пудов [Тульчинский 1903: 184-185].

Таким образом, вслед за С.Г. Струмилиным, который считал, что сведение воедино всех важнейших сведений о древнерусских мерах должно предшествовать всякому экскурсу в область экономической истории страны [Струмилин 1960: 7-28], представляется важным показать, что с изучения исторической метрологии карачаево-балкарцев необходимо начинать исследования по социально-экономической истории Балкарии XIX в.

В целом, изучение карачаево-балкарской исторической метрологии требует особых междисциплинарных подходов с привлечением широкого круга археологических, этнографических, лингвистических источников, а также тщательного изучения фольклорных текстов, поиска метрологической информации в дошедших до настоящего времени памятниках материальной культуры и архитектуры. При этом первостепенное значение все же остается за письменными источниками, как опубликованными, так и архивными.

Практическая карачаево-балкарская метрология была обусловлена, прежде всего, потребностями сельского хозяйства и строительства. Система мер и весов была необходима для четкой регламентации феодальных повинностей, «платы за кровь» и свадебных платежей. Но в первую очередь она определялась спецификой хозяйственной деятельности народа.

Большинство мер длины, объема, площади, использовавшихся карачаево-балкарцами до XX в., относятся к категории народно-бытовых мер. Их мерность можно определить лишь приблизительно, а «средние» величины использовать с осторожностью, перепроверяя их, по возможности, содержательным анализом конкретного источника.

Что касается земельных участков, то и во второй половине XIX в. в горских обществах при определении площадей окультуренных участков десятая внедрялась с большим трудом, так как уголья располагались в труднодоступных местах и имели неправильную форму, весьма неудобную для измерения. По замечанию В.А. Дмитриева, «граница неосвоенного и окультуренного пространства обнаруживалась как результат человеческой деятельности, а не как черкая геометрическая линия» [Дмитриев 2007: 146]. Следствием этого было отсутствие в традиционной метрологии представления и о мерах площади. Пахотный участок измерялся либо затратами труда на обработку земли, либо объемом высеваемого зерна, либо объемом получаемого урожая. Чаще всего применялась урожайная мера – горская копна. Постепенно эта мера получила значение, увязанное с десятиной. Покосные земли оценивались по объемам собранного сена, а пастбища – количеством скота, которое можно было на них содержать.

Трудно переоценить значение исторической метрологии для анализа исторических источников по социально-экономической истории балкарцев. При использовании массовых исторических источников, например, таких как посемейные списки горских обществ за 1886 г. знание традиционной метрологии является одним из необходимых условий для их обработки статистико-математическими методами. В свою очередь изучение исторических источников позволяет проследить этническую специфику сложения и развития различных систем измерений, и привести меры измерения, зафиксированные у карачаево-балкарцев, в соответствие с русскими историческими и современными метрическими системами.

Также важно подчеркнуть значимость изучения метрологии отдельных народов не только с точки зрения этнологической науки, но и практического источниковедения. С помощью метрологии можно решать важнейшие вопросы критики исторического источника, определять время и место его создания, выявлять фальсификации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев 1911 – *Абаев М.К.* Балкария: Исторический очерк // Мусульманин (Париж). – 1911. – № 14-17. – С. 586-627.

Ахматова, Кетенчиев 2014 – *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Концепт "путь" как конструкт этнической языковой картины мира (на материале карачаево-балкарского нартского эпоса) // Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 5 (73). – С. 79-86.

Гильденштедт 1809 – *Гильденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. – СПб.: Императорская Академия наук, 1809. – 384 с.

Гимбатова 2021 – *Гимбатова М. Б.* Традиционная метрология народов Дагестана // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа, Магас, 19–23 мая 2021 года. Вып. IX. – Назрань: ООО "КЕП", 2021. – С. 177-181.

Грабовский 1869 – *Грабовский Н.Ф.* Свадьба в горских обществах Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. 2. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1869. – Отд. VI. – С. 3-24.

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых условий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. 3. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. – Отд. IV. – С. 1-28.

Дмитриев 1992 – *Дмитриев В.А.* Единицы измерения и размерные модули северокавказского традиционного жилища // Проблемы этнографии осетин. – Владикавказ: СОННИ, 1992. – Вып. 2. – С. 198-199.

Дмитриев 2007 – *Дмитриев В.А.* Пространственно-временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа: региональный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Т. 10. – № 4. – С. 145-160.

Дмитриев 2008 – *Дмитриев В.А.* Принципы и основные итоги изучения пространства и времени традиционной культуры народов Северного Кавказа // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. – 2008. – Вып. 4. – Ч. 1. – С. 188-195.

Документы 1959 – Документы по истории Балкарии. 40-90-е гг. XIX в. / Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Каб-Балк. кн. изд-во, 1959. – 262 с.

Документы 1962 – Документы по истории Балкарии (конец XIX-нач. XX в.) / Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Каб-Балк. кн. изд-во, 1962. – 308 с.

КБФДЗП 1983 – Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / Сост., вступ. статья и комментарии А.И. Алиевой; отв. ред. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 432 с.

Кетенчиев 2020 – *Кетенчиев М.Б.* Полиаспектный анализ мер длины и расстояния (на материале Карачаево-балкарского языка) // Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: Материалы XII Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, Пятигорск, 10 сентября 2020 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2020. – С. 129-132.

Кипиани 1884 – *Кипиани М.З.* От Казбека до Эльбруса: Путевые заметки о нагорной полосе Терской области. – Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1884. – 47 с.

Кудаев 2012 – *Кудаев М.Ч.* Культурное наследие балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Книга, 2012. – 280 с.

КъМТАС 1996 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х томах. Т. 1. А–Ж. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1019 с. (на карач.-балк. яз.).

КъМТАС 2002 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. II. З–Р. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 1171 с. (на карач.-балк. яз.).

КъМТАС 2005 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. III. С–Я. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 1159 с. (на карач.-балк. яз.).

Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Вып. 1. – Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1882. – 437 с.

Леонтьева и др. 2003 – *Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б.* Вспомогательные исторические дисциплины. – М.: Владос, 2003. – 368 с.

Молчанова 1973 – *Молчанова Л.А.* Народная метрология (к истории народных мер длины). – Минск: Наука и техника, 1973. – 83 с.

Муратова 2013 – *Муратова Е.Г.* Посемейные списки северокавказских обществ за 1886 год и перспективы их дальнейшего использования в кавказоведческих исследованиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. – 2013. – № 9. – Ч. 1. – С. 109-113.

Нарты 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Наука, 1994. – 656 с.

Невская 1960 – *Невская В.П.* Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке: (дореформенный период). – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1960. – 159 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии Наук.

Струмилин 1960 *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 548 с.

Тишков 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

Труды 1908 – Труды комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ: Электротечная типография Н.К. Григорьева, 1908. – 372 с.

Тульчинский 1903 – *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1903. – Вып. 5. – С. 152-216.

Тульчинский 1983 – *Тульчинский Н.П.* Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Карачаево-балкарский фольклор. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – С. 219-287.

Хатуев 2014 – *Хатуев Р.Т.* Метрология // Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014. – С. 668-683.

Вахушти 1904 – *Вахушти.* География Грузии / Введение, перевод и примечания М.Г. Джанашвили // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. – Кн. XXIV. – Вып. 5. – Тифлис: Типография К.П. Козловского, Просп. № 12, 1904. – С.136-153.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Шавлаева 2012 – *Шавлаева Т.М.* Историческая метрология чеченцев (меры длины, расстояния и площади) // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 2. – С. 172-178.

Швецов 2016 – *Швецов В.В.* Становление исторической метрологии как научной дисциплины в XVI – начале XX века // Былые годы. – 2016. – Т. 40. – Вып. 2. – С. 286-296.

REFERENCES

АБАЕВ М.К. *Balkariya: Istoricheskij ocherk* [Balkaria: Historical essay]. IN: *Musul'manin* (Paris). – 1911. – № 14-17. – P. 586-627. (In Russ.).

АНМАТОВА М.А., КЕТЕНЧИЕВ М.В. *Koncept "put'" kak konstrukt jetnicheskoj jazykovoј kartiny mira (na materiale karachaevo-balkarskogo nart'skogo jeposa)* [The concept "path" as a construct of the ethnic language picture of the world (on the material of the Karachay-Balkarian Nart epic)]. IN: *Vestnik VJeGU*. – 2014. – № 5 (73). – P. 79-86. (In Russ.).

DMITRIEV V.A. *Edinitsy izmereniya i razmernye moduli severokavkazskogo traditsionnogo zhilishcha* [Units of measurement and dimensional modules of the North Caucasian traditional dwelling]. IN: *Problemy etnografii osetin*. – Vladikavkaz: SONII, 1992. – Iss. 2. – P. 198-199. (In Russ.).

DMITRIEV V.A. *Printsipy i osnovnye itogi izucheniya prostranstva i vremeni traditsionnoi kul'tury narodov Severnogo Kavkaza* [Principles and main results of the study of space and time of the traditional culture of the peoples of the North Caucasus]. IN: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. – Ser. 2. – 2008. – Iss. 4. – Part 1. – P. 188-195. (In Russ.).

DMITRIEV V.A. *Prostranstvenno-vremennoe povedenie v traditsionnoi kul'ture narodov Severnogo Kavkaza: regional'nyi aspekt* [Spatio-temporal behavior in the traditional culture of the peoples of the North Caucasus: a regional aspect]. IN: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. – 2007. – V. 10. – № 4. – P. 145-160. (In Russ.).

Dokumenty po istorii Balkarii (konets XIX-nach.XX v.) / Sost. E.O.Krikunova [Documents on the history of Balkaria (late 20th-early 20th century) / Comp. E.O. Krikunova]. – Nalchik: Kab-Balk. kn. izd-vo, 1962. – 308 p. (In Russ.).

Dokumenty po istorii Balkarii. 40-90-e gg. XIX v. / Sost. E.O. Krikunova [Documents on the history of Balkaria. 40-90 years of 19th century. Comp. E.O. Krikunova]. – Nalchik: Kab-Balk. kn. izd-vo, 1959. – 262 p. (In Russ.).

GIL'DENSHTEDT I.A. *Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza*. [Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus]. – SPb.: Imperatorskaja Akademiya nauk, 1809. – 384 p. (In Russ.).

GIMBATOVA M. B. *Tradicionnaja metrologija narodov Dagestana* [Traditional metrology of the peoples of Dagestan]. IN: *Gumanitarnye i social'no-politicheskie problemy modernizacii Kavkaza*. Magas, 19–23 maja 2021 goda. Iss. IX. – Nazran': OOO "KEP", 2021. – P. 177-181. (In Russ.).

GRABOVSKII N.F. *Ehkonomicheskoe polozhenie byvshikh zavisimyx soslovii Kabardinskogo okruga* [Economic conditions of former dependent estates of Kabardian district]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh: v 12 t.* [Collection of reports on Caucasian mountaineers: In 12 vols.]. – Vol. 3. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1870. – Section IV. – P. 1-28. (In Russ.).

GRABOVSKII N.F. *Svad'ba v gorskikh obshchestvakh Kabardinskogo okruga* [Wedding in mountain communities of the Kabardian region]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh*. – Iss. 2. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1869. – Part. VI. – P. 3-24. (In Russ.).

K"arachai-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu. (Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka): v 3-kh tomakh. T. I. A-Zh [The explanatory dictionary of Karachai-Balkar language: in 3 volumes. Vol. 1. A-Zh]. – Nalchik: El'-Fa, 1996. – 1019 p. (In Balkar)

K"arachai-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu. (Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka): v 3-kh tomakh. T. III. S-Ya. . [The explanatory dictionary of Karachai-Balkar language: in 3 volumes. Vol. 3. S-Ya]. – Nalchik: El'-Fa, 2005. – 1159 p. (In Balkar).

K"arachaj-malk"ar tilni angylatma syozlyugyu (Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka): v 3-kh tomakh. T. II. Zh–R. [The explanatory dictionary of Karachai-Balkar language: in 3 volumes. Vol. 2. Zh–R]. – Nalchik: El'-Fa, 2002. – 1171 p. (In Balkar).

Karachaevo-balkarskiy fol'klor v dorevolutsionnykh zapisyakh i publikatsiyakh [Karachay-balkarian folklore in pre-revolutionary records and publications] / Compiler, author of introductory article and comments A.I. Alieva; editor-in-chief T.M. Hadzhieva. – Nalchik: El'brus, 1983. – 432 p. (In Russ.).

KETENCHIEV M.B. *Poliaspektnyi analiz mer dliny i rasstoyaniya (na materiale Karachaevo-balkarskogo yazyka)* [Polyaspect analysis of measures of length and distance (based on the Karachay-Balkar language)]. IN: *Russkoyazychie i bi(poli)lingvizm v mezhkul'turnoi kommunikatsii XXI veka: kognitivno-kontseptual'nye aspekty: Materialy XII Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Pyatigorsk, 10 sentyabrya 2020 goda.* – Pyatigorsk: PGU, 2020. – P. 129-132. (In Russ.).

KHATUEV R.T. *Metrologiya* [Metrology]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachays. Balkars]. – M.: Nauka, 2014. – P. 668-683. (In Russ.).

KIPIANI M.Z. *Ot Kazbeka do El'brusa: Putevye zametki o nagornoj poloze Terskoj oblasti* [From Kazbek to Elbrus: Travel notes on the highlands of the Terek region]. – Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, 1884. – 47 p. (In Russ.).

KUDAEV M.CH. *Kul'turnoe nasledie balkartsev i karachaevtsev* [Cultural heritage of the Balkars and Karachais]. – Nalchik: Kniga, 2012. – 280 p. (In Russ.).

LEONTEVA G.A., SHORIN P.A., KOBRIN V.B. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary historical disciplines]. – M.: Vlos, 2003. – 368 p. (In Russ.).

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Adats of the Caucasian highlanders: Materials on customary law of the North and East Caucasus]. – Iss.1. – Odessa: Tip. P. A. Zelenogo, 1882. – 437 p. (In Russ.).

MOLCHANOVA L.A. *Narodnaya metrologiya (k istorii narodnykh mer dliny)* [Folk metrology (on the history of folk measures of length)]. – Minsk: Nauka i tekhnika, 1973. – 83 p. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Posemeinye spiski severokavkazskikh obshchestv za 1886 god i perspektivy ikh dal'neishego ispol'zovaniya v kavkazovedcheskikh issledovaniyakh* [Family lists of North Caucasian societies for 1886 and prospects for their further use in Caucasian studies]. IN: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Nauchno-teoreticheskii i prikladnoi zhurnal.* –2013. – No 9. – Part 1. – P. 109-113. (In Russ.).

Narty. Geroicheskij epos balkarcev i karachaevcev [Narts. The heroic epos of balkarians and karachais] / Executive editor A.I. Alieva. – Moscow: Nauka, 1994. – 656 p. (In Balk. and in Russ.)

NEVSKAYA V.P. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Karachaya v XIX veke: (doreformennyi period)* [Socio-economic development of Karachay in the XIX century: (pre-reform period)]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izd-vo, 1960. – 159 p. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [the Russian State Historical Archive]

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [the Russian State Military Historical Archive].

Sankt-Peterburgskij filial arhiva Rossijskoj akademii nauk [St. Petersburg branch of the archive of Russian Academy of Sciences].

SHAVLAIEVA T.M. *Istoricheskaya metrologiya chechentsev (mery dliny, rasstoyaniya i ploshchadi)* [Historical metrology of Chechens (measures of length, distance and area)]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie.* – 2012. – № 2. – P. 172-178. (In Russ.).

SHEVTSOV V.. *Stanovlenie istoricheskoi metrologii kak nauchnoi distsipliny v XVI-nachale XX veka* [The Formation of Historical Metrology as Scientific Discipline at the XVI - the beginning of the XX century] IN: *Bylye Gody.* – 2016. – №. 40(2). – P. 286-296. (In Russ.).

STRUMILIN S.G. *Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii* [Essays on the economic history of Russia]. – M.: Sotsekgiz, 1960. – 548 p.

TISHKOV V.A. *Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. – М.: Nauka, 2003. – 544 p.

Trudy komissii po issledovaniyu sovremennogo polozheniya zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya v Nagornoj polose Terskoj oblasti [The proceedings of the Commission to study the present situation of land tenure and land use in the mountainous strip of the Terek region]. – Vladikavkaz, 1908. – 372 p. (In Russ.).

TULCHINSKII N.P. *Poemy, legendy, pesni, skazki i posloviцы gorskikh tatar Nal'chikskogo okruga Terskoj oblasti* [Poems, legends, songs, fairy tales and proverbs of the mountain Tatars of the Nalchik district of the Terek region]. IN: *Karachaevo-balkarskiy fol'klor v dorevol'yutsionnykh zapisyakh i publikatsiyakh* [Karachay-balkarian folklore in pre-revolutionary records and publications]. – Nalchik: El'brus, 1983. – P. 219-287. (In Russ.).

TULCHINSKII N.P. *Pyat gorskikh obshchestv Kabardy* [Five Mountain Societies of Kabarda]. IN: *Terskii sbornik* [Tersky Collection]. – Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, 1903. – Iss. 5. – P. 152-216. (In Russ.).

Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki [The Office of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic].

VAHUSHTI. *Geografija Gruzii / Vvedenie, perevod i primechanija M.G. Dzhanashvili* [Geography of Georgia / Introduction, translation and notes by M.G. Janashvili]. IN: *Zapiski Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshhestva*. – V. XXIV. – Iss. 5. – Tiflis: Tipografiya K.P. Kozlovskogo, Prosp. № 12, 1904. – P. 136-153. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.Г. Муратова – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

E.G. Muratova – Doctor of Sciences (History), professor.

Статья поступила в редакцию 27.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 25.05.2023 г.; принята к публикации 20.06.2023 г.

The article was submitted 27.04.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.